

РОЛЬ КЛУБНЫХ СУБКУЛЬТУР В ФОРМИРОВАНИИ ПРОСТРАНСТВА МОЛОДЕЖНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

© 2007 г.

М.Г. Аверкин, Ю.С. Матвеева

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

pr.e@mail.ru

Поступила в редакцию 8.06.2007

Анализируются современные коммуникативные процессы формирования и становления молодежных культур и субкультур, объединенные в такие направления молодежных субкультур, как «клубная культура» и «фрик».

Современное российское общество на протяжении последних двадцати лет находится в состоянии «перехода». Причем сам «переход» можно охарактеризовать не только как социально-экономический, но и как социокультурный. Структурные и культурные изменения отражаются на всех слоях общества и в различных жизненных сферах. И в самой сложной ситуации оказываются наиболее незащищенные группы населения, лишенные стабильных статусов и соответствующих им ресурсов, законодательной, нормативной и корпоративной поддержки. Именно молодежь, в первую очередь, претерпевает социально-экономические изменения и противоречия современного общества. Российская молодежь, как и все россияне, переживает период затянувшегося общественного перехода, часто определяемого как трансформация.

В связи с этим в социуме актуализируются вопросы определения социально-экономических и культурных координат рассматриваемой группы. Несмотря на то что они дискутировались на протяжении всей последней трети XX века, в современной социологии молодежи они еще больше проблематизируются, так как меняется не только молодежь, меняется сама социальная среда – т.е. все общество. Современные российские социальные институты, в которые молодежь интегрируется по мере взросления, подвергаются постоянному реформированию, а легитимные социальные практики, социально-одобряемые образцы «правильного» взросления дополняются (и вытесняются) теневыми.

Значимость молодежного вопроса, выдвижение его на центральное место в спорах между представителями социальных и гуманитарных наук, широкий общественный резонанс на этот спор связаны с тем, что речь идет, по существу, о соотношении традиции и модерна. Центральным в модернизме всегда была проблема поколений. Молодежь

рассматривалась как показатель здоровья нации, будущего расы, благополучия семьи, государства и цивилизации в целом. На молодежь возлагалось особенное «бремя» – быть «знаком времени и предвестником будущего».

Молодежный вопрос внутри отечественной и западной истории XX века был тесно связан с идеологией и политикой. Социология молодежи, ее «власть на диагноз» на протяжении всей своей истории помогала поддерживать господствующие или претендующие на господство дискурсы. Молодежь всегда являлась самым популярным объектом идеологического манипулирования, посредством образования и внедрения сменяющихся идеологических конструктов нового времени, «помогая» предсказывать будущее – от расцвета культуры до ее гибели. При этом анализ сменяющихся друг друга конструктов молодежных субкультур помогает понять, какие социальные факторы оказывали влияние на формирование и переосмысление понятия «молодежь». Переосмысление молодежного вопроса тесно связано с понятием молодежной идентичности, молодежной культуры и/или субкультуры в его различных измерениях, исторических и современных смыслах.

Молодежная культура создает пространство, в котором молодые люди могут чувствовать себя полномочными представителями современного общества, в то время как в семье или в школе они чувствуют себя чужими и не имеющими никаких реальных полномочий. По представлениям функционалистов, молодежная культура имеет общую социально-психологическую основу, поэтому как бы вовсе не обязательно выделять внутри этой целостности различные субкультуры – выделять какие-то стили, интересы или мировоззрения (например, делить молодежные движения на панков, стилиг или битников). Но в современной молодежной

культуре разделение на различные субкультуры становится доминирующим.

Молодежь как проблема рассматривается в качестве источника социальных и культурных конфликтов, угрозы существующему и будущему социальному порядку, причины криминализации общества, источника социальных болезней и моральных паник. «Молодежь как проблема» – это достаточно часто встречающееся клише не только на теоретическом, но и на обыденном уровне. Наличием такого рода клише закрепляется и отношение к молодежи:

- во-первых, как к чему-то единому и одинаковому;
- во-вторых, как к однозначно проблемному.

Признавая тезис, что молодежь существует как социальная проблема, можно утверждать, что молодежь как социальная группа в том ее измерении, в котором она существует, возрастном или ценностном, еще до всяких соотношений с какими-то критериями, оказывается проблемой. В обыденном разговоре «взрослых» часто можно услышать: «Ну, молодежь – это невероятная проблема». Практически так же это звучит (явно или неявно) в теоретических текстах и продуктах коммуникации массмедиа. И здесь отношение к молодежи, как к социальной проблеме, самым тесным образом связано с пониманием молодежной культуры как проявлением молодежной девиантности.

Молодежная субкультура – это достаточно новое и многогранное явление общественной жизни, и существование этого феномена заставляет исследовать множество аспектов – от социокультурного развития общества в целом до психологических особенностей рассматриваемых возрастных групп. Молодежная субкультура в том виде, в котором мы наблюдаем ее сейчас, возникла в XX веке, на определенном этапе жизни общества, а соответственно, связана с теми изменениями, которые произошли в жизни общества в последнем столетии, а конкретней – во второй его половине.

Молодежная субкультура стала определенным образом и стилем жизни. Как и любая другая культура, она определяет социальную жизнь человека в структуре его образа жизни. По сравнению с базовой культурой общества ее влияние несоизмеримо уже, но его все же достаточно, чтобы оказать существенное влияние на образ жизни молодого человека, его ценности, изменять его видение мира. По сути, молодежная субкультура – это альтернативная культура молодежи, которая

имеет свою специфику. Но, несмотря на это, для нее характерны те же функции и закономерности, что для культуры.

Включение в ту или иную молодежную субкультуру – это результат осознанного выбора молодого человека. Следовательно, этот выбор связан с определенными мотивами и побуждениями, которые могут реализоваться лишь в образе жизни определенного культурного контекста. Не все молодые люди становятся членами той или иной молодежной субкультуры, что позволяет предположить, что участие человека в той или иной молодежной субкультуре связано с его личностными характеристиками и особенностями их индивидуальной социализации, в том числе со спецификой и характером современных коммуникаций.

Парад молодежных «различий» начался в середине XX века. С тех пор субкультурные «пионеры» – битники, рокеры, тедди бойз (стиляги), моды – исчезли как на «исторических» роинах, так и в России. Осталось понятие «субкультура», которое волнует, будоражит или пугает, как, например, скинхеды. Стили смешались, и хотя некоторые ритуальные разборки сохранились (например, между скинами и рэперами), но они мало отличаются от территориальных споров молодежных группировок конца перестройки.

Для того чтобы разобраться в феномене молодежной субкультуры, необходимо не только проведение теоретического анализа молодежной субкультуры как явления социальной жизни, но и конкретных социологических исследований. И прежде всего исследований, направленных на изучение молодежных субкультур как социокультурного феномена, требующих изучения с точки зрения динамики современных молодежных коммуникаций.

Современная альтернативная культура молодежи, переопределяя аутентичность российской культурной практики, отделила себя от нормального молодежного большинства, которое обвиняла в подражании и даже «копировании Запада», все чаще отождествляемого с производством коммерческой, а потому ненастоящей культуры. И в каждой молодежной субкультуре существуют события, носящие демонстративный характер, являющиеся основными, центральными, – это субкультурные события. Значимость таких событий для молодежной субкультуры позволяет предположить, что они имеют некий

коммуникативный характер и, в свою очередь, предназначены для удовлетворения определенных побуждений и получения определенных эмоций и, являясь при этом событиями коммуникативного характера, возможно, имеют некий субкультурный смысл.

Рассматривая поведение участников молодежной субкультуры как демонстративное и его психологические причины, следует выделить следующие функции такого поведения:

- демонстративное поведение позволяет носителям молодежной субкультуры определенным образом воздействовать на окружающих (реальная функция);
- демонстративное поведение позволяет участникам субкультуры воздействовать на свое собственное сознание: уменьшать остроту внутренних конфликтов, совершать замещающие действия по реализации тех или иных мотивов (символическая функция).

Культура – это некий способ удовлетворения потребностей молодежных групп. М.В. Розин делает попытку описать потребности, удовлетворяемые через демонстративное поведение в молодежных субкультурах. А это:

- потребность в изживании конфликта со взрослыми, что создает предпосылку для возникновения внутреннего конфликта с образом значимого взрослого, присутствующего в сознании подростка;
- потребность в событийности, и при этом, при отсутствии реальных событий, приходится создавать события искусственные, где на помощь приходит субкультурный театр;
- потребность в принадлежности к группе;
- потребность в признании;
- потребность в смысле [1, с. 231].

Говоря о последствиях субкультурного образа жизни, М.В. Розин отмечает определенную опасность подобного образа жизни в силу его асоциальности и вненормативности. Кроме того, если подросток до определенного возраста не выходит из молодежной субкультуры как сообщества, то после ему это уже очень трудно сделать, поскольку исчезают психологические возможности для адаптации в обычной жизни.

Многие, включаясь в молодежную субкультуру, эффективным образом удовлетворяют свои личностные, духовные, социальные потребности. После выхода из молодежного движения они, как правило, уже не страдают подростковыми комплексами: не

«бунтуют» по ничтожным поводам, не превращают жизнь в бесконечный поток приключений – все это остается в прошлом.

Такой вывод подтверждается американскими данными. В 70-е годы было проведено обследование людей, принимавших участие в молодежном бунте 60-х годов. Небольшой процент из них погибли от наркотиков или ушли в религиозные секты, большинство же сумели адаптироваться в обществе и зачастую испытывают меньше психологических проблем, чем люди, не принимавшие участия в молодежном движении. Для некоторых подростков (преимущественно психически больных) молодежные субкультуры – единственный способ быть членами какого-нибудь общества, найти свое место в жизни, свою культурную нишу.

Похожие тенденции реализации и адаптации молодежных субкультурных течений просматриваются уже в 80-х годах и в России. К 90-м годам они приобретают достаточно сформировавшиеся социально-культурные и психологические очертания. Достаточно ярким примером как того времени, так и сегодняшней повседневности может служить клубная культура. «...Клубная культура начинается с того момента, когда ты говоришь «нет» хотя бы своей учительнице... Этот молодой человек выглядит так, как не должен выглядеть ни один молодой человек. Его внешний вид говорит о том, что завтра он не пойдет в бой и продаст родину», — со слов учительницы об ученике 8-го класса [2, с. 38].

С этой точки зрения и рассмотрим клубные и танцевальные культуры, которые достаточно долго представлялись воплощением массовой культуры в самых худших ее проявлениях. Танцевальная музыка рассматривалась как предельно стандартизированная, бессмысленная и банальная, а сами танцующие представлялись наркотизированными конформистами, которыми очень легко манипулировать. Даже Теодор Адорно, ранний теоретик массовой культуры, посвятил часть своих разоблачительных размышлений «ритмичному послушанию одурманенных танцоров», явно стремясь доказать, что такая музыка «способна мгновенно выразить их желание подчиниться» и что последовательные удары ритма «внушают и заряжают дружные батальоны механической коллективностью...» [3, с. 312]

В течение долгого времени дискотеки и танцевальная музыка являлись исключением даже из канонов самой популярной культуры. К примеру, в рамках рок-«критицизма» всегда

отдавалось некое предпочтение той музыке, которую слушают, а не той, под которую танцуют. Вплоть до середины 80-х годов сменяющие друг друга виды танцевальной музыки постоянно подвергались критике и «вычеркивались» из «настоящей музыки» как неуместная прихоть или причуда или преподносились как символы всего того, что не являлось радикальным или инновационным.

«Клубная культура» – это разговорная категория, данная молодежным культурам, для которых танцевальные клубы и рейвы в варианте восьмидесятых годов являются символическим центром социальной вселенной. Смысл этого культурного пространства складывается из происходящих там событий. Принципы территориального вхождения в культуру для большинства молодежных субкультур были более туманны и не столь определены, даже если мы возьмем хиппи на рок-фестивалях, скинхедов на футбольных стадионах и панков на их небольших «живых» тусовках. По мнению Е.Л. Омельченко, современные клубные культуры в контраст им упорно ассоциируются с действительно новым и специфическим пространством, которое постоянно трансформирует как свою звучащую культуру, так и стили, регулярно доказывая то, что рейвы – это современный апогей самых крайних проявлений молодежных культур [4, с. 255].

Клубные культуры – это вкусовые культуры. Клубные толпы собираются прежде всего на основе разделяемых ими музыкальных вкусов, предпочитаемых общих медиапродуктов и, что наиболее важно, поддержания неких преимуществ для молодых людей со сходными вкусовыми музыкальными предпочтениями. Принимая участие в выстраивании клубных культур, неких фигур сходства, социализируясь через принятие и верность определенным симпатиям и антипатиям, сами участники наделяют значением и ценностью данную культуру [4, с. 256]. Следовательно, клубы и рейв-дома – это некие сообщества с подвижными границами, которые могут собираться, поглощая в себя участников на одно лето, или могут удерживаться вместе на протяжении нескольких лет.

Таким образом, клубная культура создает свою собственную иерархию того, что аутентично и легитимно для популярной культуры в целом, создавая, совместно творя и олицетворяя понимание того, что может сделать один «хип». Рейвы – это клубы, находящиеся и поддерживающиеся вне установленных

танцевальных мест в неподходящих местах. Рейв-клубы стремятся вместить в себя несколько жанров танцевальной музыки, включая домашнюю, псевдодомашнюю, техно и джангл-музыку.

Данс-клубы включаются в широкий контекст молодежных социальных пространств и современных досуговых активностей. Поскольку клубинг («clubbing») и рейвинг («raving») создаются при участии очень узкого круга населения тогда, когда большинство уже давно спит, постольку степень развитости этого социального феномена остается вне поля зрения «общественности», но никак не вне поля коммуникаций.

Входные билеты на танцевальные события существенно выше, чем на спортивные, киношные и все прочие комбинированные «живые» искусства. В финансовых терминах цена клубного рынка, называемого в досуговой индустрии «ночным клубным рынком», во избежание модных ассоциаций с такими словами, как «клуб» или «рейв», была оценена в 1.968 миллиона фунтов стерлингов в 1992 году (по материалам «Mintel» 1992 г.). Рейв оценивался намного выше – в 1.8 миллиарда фунтов в 1993-м. Массовый опрос, проводимый Henley Centre for Forecasting, показал, что в Британии всего бывает около 50 миллионов рейв-событий за год, на которых каждый человек тратит сумму в 35 фунтов за вход, включая напитки и различные специальные наркотические таблетки [5, с. 48].

Танцующие на рейв-тусовках как бы преодолевают границы классовых, расовых, этнических, гендерных и сексуальных различий, но не различий в возрасте. Большинство заядлых клубников и рейверов – это молодые люди в возрасте от 15 до 19 лет, «преследуемые» второй волной 20–24-летних. Верхние возрастные границы клубинга практически непроницаемы. Нижние же ограничения связаны только с практическими факторами, такими как: право (и возможность) находиться вне дома после 11 вечера, наличие достаточного количества денег, чтобы платить за вход и чтобы иметь счастливую возможность пренебрегать законом, запрещающим употребление спиртных напитков до 18 лет. Потеря интереса к клубингу совпадает с уходом из родительского дома, который ограничивал желания молодых людей выходить «на люди», убягая от семейного контроля и опеки.

Клубная культура для молодежного течения – это определенный путь к независимости внутри пространства, которое пусть и относительно, но принадлежит только

молодежи. Клуб помогает своим членам предаваться взрослым видам активности: флиртовать, заниматься сексом, выпивать, употреблять наркотики и экспериментировать с идентичностью (модная музыка и одежда). Все это вместе позволяет им поддерживать как автономию, так и различия в их идентичностях.

Молодежь часто ищет независимости от «домашней тираннии» в свободном управлении своим временем. Молодые люди стремятся сместить обычное временное расписание взрослой жизни, избегая взрослого контроля. Они и ложатся спать позже, и встают позже родителей. Более того, молодежные программы сами часто следуют почерпнутой из их жизни логике десинхронизации взрослого времени [4, с. 258].

Многие шоу, ориентированные на молодежные аудитории, планируются до и после прайм-тайм времени частично потому, что молодежь получает возможность смотреть свои программы действительно в одиночестве, частично потому, что молодежь предпочитает середину вечера, когда родители усаживаются у телевизора, проводить вне дома. В свою очередь, отсутствие молодежи дома по вечерам дает простор для развития такого специального сервиса, как MTV для просмотров вне дома: в пабах и кафе.

К примеру, молодежь значительное время проводит на улицах, чаще ходят в кино, чем другие возрастные группы. Конечно, культурной формой, наиболее близкой большинству молодежи, является музыка. Молодежные культуры стремятся быть музыкальными субкультурами. Именно молодежь больше всего покупает CD, чаще и больше слушает записи, чем кто-либо еще. Молодежное ТВ – это в подавляющем большинстве музыкальное ТВ, журналы, в большинстве своем – музыкальные. Молодежный досуг и идентичность разворачиваются вокруг музыки. Посредством музыки молодежь сохраняет свое пространство, которое по своей сути есть переживание своей музыки.

Общение со своими сверстниками остается самой значимой мотивацией молодежной досуговой активности, поэтому совместное прослушивание музыки является для них первостепенным. Прежние молодежные субкультуры могли найти воплощение своих культурных потребностей в «живых» музыкальных событиях. Хотя «живые» события все еще преобладают в некоторых жанрах,

например, панк-музыке, тем не менее, молодежные культуры все чаще начинают вращаться вокруг записей, а не «живых» представлений.

Эта трансформация имеет сложную историю. Длинный период падения «живой» музыки и очень медленный рост авторитета дискотеки в ее многочисленных воплощениях от записей хип-хопов до рейвов привели к ситуации, когда большая часть музыкальной культуры может быть представлена как дискотечная культура.

Исследования показали, что многие клубники – это полинаркотические пользователи, которые стремятся к воздержанию вне клубов и рейвов от наркотиков. Большинство из них, как это было в культуре хиппи, стремятся использовать такие «легальные» наркотики, как табак и алкоголь, для символического достижения взрослого статуса, в то время как использование недозволенных наркотиков может уже обозначать протест и сопротивление культуре «взрослости».

Другая причина, почему молодежь предпочитает клубы, заключается в том, что клубы ориентированы только на молодежь и поддерживают свою аудиторию вместе с ее причудами и модами, постоянно изменяя свои музыкальные программы, техники декорирования и имена новых «звезд». Клубы адаптируются к новым культурным условиям с помощью разграничения «клубов», которые работают один раз в неделю, клубов, у которых особые места сбора, клубов, которые отличаются своими архитектурными пространствами. Когда рейв-тусовки переместились с традиционных клубных мест на новые территории: под открытое небо, на муниципальные поля, на запущенные фермы, в аэроангары – это частично было вызвано стремлением к поиску запрещенных и непредсказуемых ощущений места. Один из организаторов рейв-клубов так объяснил разницу между привычными и новыми местами для танцев: «Разница между рейв-тусовкой и традиционным клубом та же самая, что между тем ощущением, когда ты сам первый открываешь красивое место, где никто не был до тебя, и твоим возвращением на это место лет через пять, когда ты обнаруживаешь, что там уже построили 25-этажный отель на пляже. Рейв-тусовки занимают новые территории, тогда как клубы всегда располагаются на одних и тех же предсказуемых местах» [6, с. 59].

Современную клубную культуру трудно представить без людей, которые называют себя «фриками». В переводе с английского «freak» означает «уродец, чудачество, странный». «Фрик – это человек, который может на себя надеть все, что угодно, если ему это видится как определенный, очень модный стиль. Другими людьми это может расцениваться как пошлятина. Панки с фриком не связаны. У панков все более ярко выражено. У них есть своя униформа, символы. Они ни в коем случае не будут выглядеть как инженер достатка ниже среднего образца 82 года. Я люблю одеваться, чтобы была картинка. Экстравагантность — в спокойствии. На Западе этот стиль очень модный. Если на тебе костюм за 3–5 тысяч долларов, о какой молодежной культуре можно говорить?» Так говорит настоящий фрик [7, с. 39].

В русском языке понятие «фрик» появилось лишь в 90-х, при этом его популяризацию можно «приписать» художнику и дизайнеру Александру Петлюре. А известным широкой публике стало так и вовсе сравнительно недавно. Но уже сейчас ясно – слово в лексиконе прижилось и вынуждено остаться. А в результате даже попасть в толковый словарь. На самом деле фрики – это целая культура, субкультура, если хотите, как хиппи или панки. Культура ярких, безбашенных персонажей, отчаянных безумцев, которые из любой толпы будут выделяться. В первую очередь – неординарным, экстравагантным внешним видом, балансирующим на грани между стилем, китчем и дурновкусием. Но чтобы быть фриком, мало просто размалевать лицо и надеть шпильки вместе с телогрейкой, нужно иметь особенный тип характера, особенный взгляд на мир. Такие люди чаще всего – отъявленные экстраверты, открытые и общительные, любящие весело провести время. Поэтому не удивительно, что фрики быстро стали неотъемлемой частью клубной культуры. Точки отсчета каждый определяет по-разному. Кто-то – ещё из 60-х, связывая истоки фрик-движения с именем Уорхолла, кто-то говорит про 70-е, когда лондонские клубы с распротёртыми объятиями встречали мальчиков в рваных чулках, а иконой молодёжи был великий и андрогинный Дэвид Бои. Большинство всё-таки сходятся на том, что настоящее зарождение фрик-культуры в том виде, в котором мы можем видеть её сейчас, приходится на 80-е. Время Culture Club, время Марка Алмонда и шумного успеха Жана-Поля Готье, а Бой

Джордж и по сей день – ходячее пособие начинающего фрика.

Современная ночная клубная Москва переняла лучшие западные «традиции жанра». Всё больше становится людей, которые не стесняются проявить свою индивидуальность, подбирая наряд для очередного похода в клуб или на светское мероприятие. А ведь совсем недавно смелости появиться на людях в чём-то, совершенно расходящимся с общепринятыми канонами внешнего вида, хватало далеко не всем. Только самым смелым фигурам, таким как Владислав Мамышев-Монро или Жанна Агузарова. Сегодня обстановка в корне изменилась.

И именно благодаря стараниям публичных людей вроде Андрея Бартенева. Ещё одного ветерана российского фрик-движения, который может, например, прийти на показ Дениса Симачёва в головном уборе из пластиковых стаканчиков и таким образом вызвать у некоторых гостей интереса больше, чем происходящее на подиуме. Данилы Полякова, отплясывающего в воскресной «Пропаганде» в лосинах и кирзовых сапогах, моделей Петлюры, художника Германа Виноградова. Публика раскрепостилась. Многие поняли, что и они могут позволить своей неуёмной фантазии проявиться наконец в их внешнем облике [8, с. 62].

Ещё один положительный момент современности и актуальности фрика для сегодняшнего молодежного субкультурного течения – фриков обычно любит фейс-контроль. Потому что клубу такие люди нужны. Нужны, чтобы создавать атмосферу, на что обеспечивающие кассу respectable клиенты далеко не всегда гожи. Быть фриком, всегда или только на один вечер, стало модно. Это всегда «неожиданно модно» в том смысле, что фрики, на самом деле, вне моды, хотя при этом во многом и формируют её. Но спрос на фриков, как на некий современный, коммуникативный стиль-концепт, вовсе не распространяется на то, как им выглядеть, поэтому они совершенно непредсказуемы. Этим они ещё более привлекательны для общества. Кстати, в слове «freak» можно, написав его как «freak», разглядеть и слово «свободный». Так будет даже точнее, ведь именно свободными являются эти люди. Свободными от предрассудков и ломающими стереотипы. Фрики – революционеры и реформаторы общественного сознания. На мой взгляд, такие люди добавляют окружающему миру новых красок.

Таким образом, современная молодежная субкультура, как феномен культурного поля, выполняет схожие функции, что и любая другая культурная среда. Молодежная субкультура выступает как определенная значащая среда, создающая определенную картину мира и передающаяся путем социализации в ней новых членов. Область значений этой среды, ее традиции, нормы и ценности направлены на удовлетворение определенных потребностей. Прежде всего потребностей, не имеющих возможности быть удовлетворенными в рамках общей культуры.

Сейчас термин субкультура, в том аспекте, в котором он рассматривался ранее, теряет свой смысл. Говоря о субкультуре, мы говорим прежде всего об идее культурной революции (которая свершилась как факт), говоря о современной молодежной субкультуре, мы прежде всего говорим о сообществе, живущем в определенной культурной среде. Молодежная субкультура вбирает, продолжает и перерабатывает традиции древних, эзотерических культур. Современная культура утратила некий мистицизм, ритуализированность, обрядовость, свойственную традиционным культурам. Ритуалы, по сути, служили гармонизации внутреннего мира человека и окружающей (природной, социальной) среды. Именно через обрядовые действия и «шаманские» практики осуществлялся выход за пределы нормативных культурных рамок, разрешение внутриличностных кризисов. При этом сейчас, на примере клубной культуры и фрик-движения, можно увидеть ту самую ритуализированность и обрядовость современного динамично развивающегося коммуникативного процесса обновленной социализации молодежи.

Список литературы

1. Розин М.В. Последствия контркультурного образа жизни // По неписаным законам улицы. – М., 1991.
2. Журнал «Птгюч». Публикация о клубной культуре, 1996.

3. Adorno T. On popular music // On records eds S. Frith and Goodwin. Pantheon. – New York, 1990.
8. Журнал «Ом». Публикация о клубной культуре, 1999.

THE ROLE OF YOUTH SUBCULTURES IN THE FORMING OF YOUTH COMMUNICATION SPACE

M.G. Averkin, Yu.S. Matveeva

This article presents the analysis of modern communication processes in the course of which youth cultures and subcultures develop, including such varieties of youth subculture as «club culture» and «freak».

4. Омельченко Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры. – М.: Изд-во «Институт социологии РАН», 2000.

5. Журнал «Music and Copyright». 10 November 1993.

6. Leo Paskin, interview: 19 march 1993.

7. Журнал «Птюч». Публикация о клубной культуре, 1995.